

Из истории Бородинских торжеств 1839 г.

(по документам Центрального исторического архива Москвы)

Спустя 20 лет после окончания Отечественной войны 1812 г., в начале 30-х годов, император Николай I решил ознаменовать славное событие в истории страны возведением монументов на местах главнейших сражений. Согласно Высочайшей воле в Московской губернии предполагалось установить два памятника — при с. Бородино и при дер. Кулаково Бронницкого уезда. Естественно, что в ряду этих памятников главенствующее место должно было принадлежать Бородинскому монументу, который единственный из всех был отнесен к памятникам 1-го разряда.

Очевидно, московский военный генерал-губернатор князь Д.В. Голицын считал, что пректирование Бородинского монумента будет поручено одному из замечательнейших московских архитекторов, автору Триумфальных ворот О.И. Бове. Во всяком случае, 17 сентября 1833 г. генерал-губернатор направил состоящего при нем коллежского советника Бове на Бородинское поле с целью детальнейшего его осмотра и выбора места для установки памятника. О.И. Бове не только осмотрел поле, но и приступил к разработке проекта. Однако 16 июня следующего, 1834 г. архитектор умер. После его смерти рисунки двух вариантов Бородинского монумента были по запросу канцелярии генерал-губернатора представлены братом архитектора.

Из всех проектов Бородинского памятника, представленных в Академию художеств, император выбрал проект, предложенный А.У. Адамини. В связи с этим летом 1836 г. в Бородино для избрания места установки памятника был направлен полковник Генерального штаба Яковлев 6-й. Он предложил установить монумент «на большой батарее или люнете, находящимся на левой стороне дороги, едучи из Москвы в Смоленск»ⁱ. Место было выбрано с учетом того, что именно здесь происходили важнейшие военные события и что памятник будет прекрасно виден с большой дороги; к тому же с этого места возможно обозревать окрестности на расстоянии 12 верст. Однако Можайский исправник предупредил Яковлева, что приезжавший в прошлом году в Бородино князь Д.В. Голицын выбрал место «в самом селе Бородино на большой дороге, где находится ныне постоянный двор». Полковник Яковлев в рапорте по начальству не мог не сообщить решения генерал-губернатора, но отметил все недостатки выбранного Голицыным места для памятника: низменный и узкий участок земли, ограниченный с одной стороны большой дорогой, с другой — речкой Колочью, к тому же не отмеченный никакими сражениями. Министр финансов граф Е.Ф. Канкрин, которому было поручено общее наблюдение за возведением монументов, обратился к князю Голицыну за соответствующим разъяснением. Голицын ответил, что первоначально предполагали установить памятник в самом селе Бородино, кроме того, «все вообще поле Бородинской битвы столь знаменито, что едва ли можно по справедливости отдать преимущество одному пункту оною пред другим»ⁱⁱ. К марту 1837 г. Николай I окончательно остановил свой выбор на центральной батарее, однако командированный в Бородино художник А.У. Адамини сообщил Канкрину о вновь возникших осложнениях. Художник узнал, что в этом месте должно пройти шоссе, которое будет пролегать в трех верстах от возводимого памятника. На запрос министра финансов относительно данного проекта Д.В. Голицын ответил, что Смоленский тракт относится к 1-му классу дорог и находится в ведении Главного управления путей сообщения, которое

предполагает провести дорогу из Вязьмы прямо на Медынь, минуя Гжатск и Можайск, т.е. ближайшее расстояние от Бородина до шоссе составит 52 версты. Существующий же ныне тракт от Москвы до Вязьмы через Можайск будет относиться к уездным почтовым и торговым дорогам 4-го класса. «Не могу умолчать о сожалении моем, что столь достопамятное место, каково есть Бородино и на котором назначено соорудить памятник будет по новому назначению линии главной дороги совершенно отстранено от глаз любопытствующих путешественников», — писал в заключение Голицын. Граф Е.Ф. Канкрин довел мнение генерал-губернатора до сведения Николая I. Последний, не согласившись с доводами Голицына, начертал на докладной записке графа: «В Бородино будут ездить все те коим отечественные воспоминания дороги»ⁱⁱⁱ.

9 мая 1837 г. на Бородинском поле в присутствии московского военного генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, гражданского губернатора Н.А. Небольсина, губернского предводителя дворянства графа А.И. Гудовича, чиновника Министерства финансов действительного статского советника П.С. Деменкова (на которого было возложено общее наблюдение за возведением памятника), многочисленных военных и гражданских чиновников, прибывших из Москвы и окрестных селений, состоялась закладка Бородинского монумента. В 10 часов утра все прибывшие собрались в Спасской церкви Спасо-Бородинского монастыря на Божественную литургию, которую совершил викарий Московской метрополии епископ Дмитровский преосвященный Исидор. По окончании литургии была отслужена панихида по православным воинам «за веру, царя и Отечество живот свой положивших». Затем крестный ход с пением «Христос Воскресе» отправился к месту закладки памятника. По пути среди поля была совершена лития по убиенным воинам. На месте, приготовленном для памятника, состоялось водосвятие, а потом преосвященный Исидор произнес речь, «тронувшую каждого присутствовавшего до глубины души». Современник сообщал, что погода в тот день была ясная и после окончания торжества П.С. Деменков пригласил всех военных, гражданских и духовных особ на обед, который был накрыт в доме помещицы Воейковой в селе Бородино. «Радущие хозяина, удовольствие гостей и красноречивый драгоценный для каждого русского рассказ о знаменитой битве занимал каждого... в числе гостей находился один из старших начальников того времени князь Д.В. Голицын»^{iv}.

1 апреля 1839 г. памятник на Бородино и домик инвалидов при нем были переданы в ведение Комитета, Высочайше учрежденного в 18 день августа 1814 г., непосредственное же наблюдение за сохранностью памятника возложено на директора Московской военной богадельни генерал-лейтенанта Мартынова. Для надзора за порядком и чистотой вокруг монумента определялись два унтер-офицера из числа пенсионеров Комитета 1814 г. Из шести представленных кандидатур были выбраны двое женатых инвалидов, проживавших в Чесменской военной богадельне, — Иван Никифоров и Владимир Степанов, служившие: первый — в лейб-гв. Семеновском, второй — в лейб-гв. Преображенском полку. Степанов был награжден серебряной медалью в память 1812 г. и ранен в Бородинском сражении в правое плечо, Никифоров же имел знак отличия Военного ордена, знак ордена св. Анны, Кульмский крест, медали в память 1812 г., за взятие Парижа и прусскую, и был контужен ядром в левую ногу при Бородино.

Открытие Бородинского монумента предполагалось в августе 1839 г., в год 25-й годовщины вступления русских войск в Париж. Одновременно на

Бородинском поле должны были состояться маневры войск. С целью подготовки столь грандиозного мероприятия в октябре 1838 г. был образован «Комитет, учреждаемый в г. Можайске для разных устройств по случаю предназначенного в 1839 году сбора войск при Бородине» под председательством генерал-майора Ладинского, в состав которого вошли можайский и рузский предводители дворянства. В задачу Комитета входило устройство лагерей и лазаретов для войск, размещение дипломатического корпуса, оценка земель, отошедших под лагерь, с целью выплаты компенсации владельцам. Спустя месяц после учреждения Комитета император утвердил «Положение о сборе войск к открытию монумента на Бородинском поле 26 августа 1839 года». Первоначально предполагалось, что в маневрах примут участие войска 2-го и 6-го пех. корпусов и 3-го резервного кав. корпуса с конно-пионерным эскадроном, а также бессрочно-отпускные восемь ближайших губерний: Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской и Смоленской. 7 января и 4 февраля 1839 г. были утверждены два дополнения к «Положению», согласно которым назначались дополнительно сводный кирасирский полк (первые дивизионы от каждого полка 1-й кирасирской дивизии) и подразделения гвардии и отдельного гренадерского корпуса (первые гренадерские и карабинерные роты гвардейских пехотных и гренадерских дивизий). В составе этих рот оставались только солдаты — уроженцы ближайших к Москве 23 губерний. К этим ротам определялись также все офицеры и рядовые других рот, участвовавшие в походах 1812, 1813, 1814 и 1815 гг. Сформированные таким образом роты составили сводные гвардейский и гренадерский батальоны. Командование всеми войсками, собираемыми при Бородино, поручалось главнокомандующему действующей армией, генерал-фельдмаршалу князю Варшавскому графу Паскевичу-Эриванскому.

В связи с предстоящими торжествами к военному министру графу А.И. Чернышеву обращались многие участники Бородинского сражения, находившиеся в отставке или числящиеся по армии и состоящие по гражданскому ведомству, с вопросом: могут ли они прибыть в Бородино ко времени предстоящего смотра без приглашения? Николай I разрешил таким штаб- и обер-офицерам — участникам Бородинской битвы прибыть к назначенному сроку на Высочайший смотр, однако они должны были сами озаботиться как «своим помещением, так и содержанием».

Летом 1839 г. в окрестностях Бородина и Можайска шла усиленная подготовка к торжественной церемонии. Вблизи Можайска был устроен временный городок для размещения прибывающих гостей. В самом городе был снесен ряд ветхих зданий и отремонтированы дома, имевшие неприглядный вид. В Бородино была устроена новая почтовая станция, в Можайске учрежден временный военный госпиталь на 2000 человек. Одновременно принимались меры для обеспечения безопасности императора. 9 августа начальник III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии граф А.Х. Бенкендорф направил исполняющему должность московского военного генерал-губернатора генерал-майору А.А. Стаалю секретное предписание о запрещении выдачи паспортов иностранцам для проезда в Бородино без предварительного сношения с III отделением. В разъяснении графа А.Ф. Орлова говорилось, что запрещение выдавать паспорта не относится к тем ремесленникам или торговцам, которые давно проживают в Москве или России, а касается только тех иностранцев, которые недавно прибыли из-за границы. Такие иностранцы, направлявшиеся в Бородино, должны были

задерживаться на последней перед селом почтовой станции. Распоряжение о задержании иностранцев было передано московскому почт-директору А.Я. Булгакову. Булгаков возражал против возложения на станционных смотрителей обязанностей по задержанию иностранцев, считая, что предпочтительнее это поручить Можайскому городничему или жандармскому офицеру, который состоит в Можайске «при лошадях, назначенных для Высочайшего шествия». Предложение было принято, и надзор поручен полицейским чиновникам.

Между тем в Москве относительно предстоявших маневров распространялись самые нелепые слухи. Обер-полицмейстер Москвы генерал-майор Л.М. Цинский приказал полицейским усилить наблюдение за подозрительными лицами. В одном из питейных домов были обнаружены посетители, ведущие разговор о маневрах. Один из них, оказавшийся впоследствии отставным коллежским регистратором П.И. Синюковым, заявил, что «под Бородино быть опасно, так как великий князь Константин жив и будет командовать войсками». Синюков был арестован и отправлен в губернский тюремный замок. Но еще более фантастическим был рассказ московского мещанина Алексея Васильева, который уже в сентябре в полпивной лавке объяснял своим собеседникам, почему было опасно ехать на маневры: «Великий князь Константин Павлович жив, пойдут брат на брата и будет война кровопролитная, что те шесть кораблей, которые ушли из Санкт-Петербурга во время бывшего в 1826 году бунта целы, и что великий князь наследник недавно у них был в плену и взяли за него выкуп 17 млн. рублей и что все будут равные и что теперь из Москвы выгоняют всех фабричных мужиков, которых и сами начальники боятся, чтобы не сделали бунта»^v. Васильев был также задержан и отправлен в Тверской полицейский дом.

В конце июля – начале августа в Бородино стали прибывать войска и располагаться лагерями и на квартирах. Первым прибыл 6-й корпус, квартира которого находилась в сельце Новом и деревне Маловки, затем 2-й пех., 3-й кав. корпуса, сводные батальоны. К 13 августу собрались все назначенные войска.

Император Николай I с наследником цесаревичем выехали из Петербурга в Бородино по Московскому тракту до Клина. Далее по предложению А.Х. Бенкендорфа во избежание крутых гор императорский поезд свернул с большой дороги к сельцу Отрада, затем проехал через село Пятницу, Берендей и Саввино–Сторожевский монастырь, оставляя в стороне Звенигород. В ночь с 16 на 17 августа Николай I, не заезжая в Можайск, прибыл в Бородино.

23 августа начались учения 3-го кав. корпуса, а 24 — 6-го пех. корпуса. Для проведения учений и маневров войска снабжались холостыми патронами и зарядами. В пехоте было выдано каждому по 60 патронов, драгунам — по 50, уланам и гусарам — по 10, их же фланкеры и карабинеры получили по 30 патронов. В артиллерии на каждое орудие было отпущено по 175 снарядов. По отзыву наблюдателя, под ружьем было (за исключением больных и командированных) 134215 человек, Николай I был «и весел, и доволен всей армией, которая в отличном виде». В особенности же он восхищался 1-й драгунской дивизией генерал-лейтенанта К.Г. Гербеля, которая «в пешем и конном строю доведена до примерного совершенства»^{vi}. За успешное проведение смотра Гербель 30 августа был пожалован генерал-адъютантом.

Рядовые сводных батальонов получили следующие льготы: те из них, кто выслуживал срок к 1 января 1840 г., увольнялись в бессрочный отпуск, остальным предоставлялся трехмесячный отпуск.

26 августа произошло событие, ради которого все и собрались. В день

Бородинского сражения произошло открытие и освящение 27-метрового чугунного монумента. Церемониал освящения памятника был утвержден императором только 5 августа, а буквально накануне — 28 июля митрополит московский Филарет, обращаясь к обер-прокурору Святейшего Синода графу Н.А. Протасову, писал: «С памятником чисто гражданского характера нечего более сделать как открыть его. Памятник, в котором есть характер священный, прилично освятить. Так уже по воле Благодетельнейшего Государя Императора поступлено с Александровской колонной. Посему обряд церковный, употребленный при открытии Александровской колонны и совершаемый в день Рождества Христова в память событий 1812 г., по моему мнению, должен послужить образцом для обрядов Бородинского поля». Далее он продолжал: «Полной панихиды по усопших воинах при памятнике в день торжества быть не полагал бы я, во-первых, потому, чтобы в действие торжественное не вводить много печального, во-вторых, потому, что панихиду следовало бы по обычаю совершить в черном облачении, но переоблачение здесь (т.е. на поле. — *Е.Б.*) не удобоисполнимо»^{vii}.

Рано утром 26 августа в церкви Смоленской Божьей Матери с. Бородина началось освящение воды и Божественная литургия. Внезапно в церкви появился в сопровождении небольшой свиты император, чтобы, как он выразился, «призвать благословление Божье на начатие праздника». Помолившись, Николай I покинул церковь и вскоре выехал из Бородинского дворца в сопровождении свиты к войскам и памятнику. Войска располагались с четырех сторон монумента на возвышениях. Внутри решетки, ограждавшей памятник, предоставлено было место участникам Бородинской битвы. Обозрев войска, император дал знак к началу крестного хода. В 8 часов утра крестный ход в составе 2 архиереев, 4 архимандритов, 7 епархиальных протоиереев, 27 священников, 25 диаконов, 9 причетников, 66 армейских протоиереев и священников, 24 певчих двинулся от церкви к Бородинскому монументу. По свидетельству митрополита Филарета, когда крестный ход приблизился к памятнику, Николай I скомандовал на молитву и все 120-тысячное войско опустилось на колени^{viii}. По окончании водоосвящения было провозглашено: «Многая лета императору, императорской фамилии и всему христолюбивому воинству». Затем пропета вечная память императору Александру I и всем погибшим воинам, после чего в прежнем порядке крестный ход возвратился в церковь.

Войска оставались в Бородино до 4 сентября, после чего они возвратились в Москву, где московское купечество дало 11 сентября обед в честь гвардии. Угощение для гвардейских нижних чинов было устроено в Манеже, гренадеры и нестроевые получили по 50 коп. на мясную и винную порции.

Сам император пробыл в Москве до 14 сентября.

Примечания

ⁱ ЦИАМ, Ф.16, оп. 10, д.4.

ⁱⁱ Там же.

ⁱⁱⁱ Там же.

^{iv} Там же, ф.16, оп. 11, д.664.

^v Там же, ф.16, оп. 31, д.1241.

^{vi} Там же, ф.16, оп. 11, д.1799.

^{vii} Там же, ф.203, оп. 759, д.630.

^{viii} Там же.